

ОТ РЕДАКТОРА

И еще признаюсь Тебе, Господи, что я все же не знаю, что такое время. Я сознаю только то, что когда говорю о времени, то говорю во времени, и что давно говорю об этом времени, и что это самое «давно» есть только продолжение того же времени. Каким же образом я знаю это, когда не знаю, что такое время? Быть может, я не умею только выразить то, что знаю? О, как я беден, что не в состоянии даже различить, что знаю и чего не знаю!

Бл. Августин Исповедь. Кн. II, гл. 25

Язык представляет собой систему звуковых символов, воспринимаемых слухом. «Звуковой язык предшествовал всем другим видам коммуникативного символизма, которые, как письмо, использовались в замещающей функции или же, как жест, только сопровождали речь» [7, 223–224]. Если для зрительных знаков важнее пространственное измерение и, соответственно, принцип одновременности, то для слуховых (звуковых) знаков более существенно временное измерение и, соответственно, принцип темпоральной последовательности. Не удивительно поэтому, что влияние времени на язык столь велико. Фактор времени имеет кардинальное значение как для структуры языка, так и для прагматики речи. Он не менее важен для лексической и грамматической семантики. Время воздействует на язык извне и изнутри. Его эффект множествен и неоднозначен. Он касается плана выражения, знаковых единиц и коммуникативной организации высказывания. Время стимулирует развитие

языка и вместе с тем налагает на него ограничения, которые язык вынужден преодолевать.

Отношение языка и времени опосредовано: язык (система языка) реализуется в речи. Речь во всех ее формах — устном звучании, внутреннем проговаривании или записанном тексте — порождается и воспринимается во времени. Речь — это длящееся действие, и ее характеристики обусловлены основными свойствами времени, проявляющимися себя в событийном аспекте мира.

Пространство трехмерно, время обладает лишь одним измерением — долготой. Пространственный параметр длины условно переносится на течение времени. Расстояние между двумя моментами времени уподобляется кратчайшему расстоянию между двумя точками в пространстве — прямой. Длина становится долготой (длительностью). Время получает признак линейности. Оно одномерно. Линейность составляет тот общий параметр, который позволяет сопоставить темпоральные и пространственные отношения. Линия — это пространственная (геометрическая) метафора времени. Линейность — свойство времени, а также того, что в нем разворачивается. Речь, как и время, линейна. Какие бы формы ни приобретали модели времени, будь то круг (цикл) или ряд концентрических окружностей, как бы ни представлялось направление движения времени — из будущего в прошедшее или из прошлого в будущее, это никак не отражается на темпоральном представлении речи и вытекающих из него следствиях. Речь всегда остается линейной и необратимо текущей из прошлого в будущее, какова бы ни была ее письменная репрезентация. Ни «вечное возвращение», ни «вечное вращение» времени не могут повлиять на линейное представление речи как процесса. Напомним, что Соссюр считал линейность речи (означающего) одним из двух фундаментальных принципов, характеризующих природу языка. (Первым, как известно, является произвольность языкового знака.) Соссюр писал: «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, разворачивается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение — это линия. ...Это весьма существенный принцип и последствия его неисчислимы. Он столь же важен, как и первый принцип. От него зависит весь механизм языка» [5, 103, курсив автора], см. также: [6, 153–156].

Другая аналогия, определяющая моделирование времени, сближает время с перемещающимися в пространстве предмета-

ми. Время, как и предметы, движется. Движение времени, в отличие от механического перемещения предметов в пространстве, непрерывно, равномерно, прямолинейно, однонаправленно и необратимо. Время нельзя остановить. Сколь бы прекрасно ни было мгновение, оно пройдет. Время нельзя повернуть вспять. Каждое его мгновение уникально. Современный поэт ценит именно это свойство времени: «Остановись, мгновение, ты не столь прекрасно, сколь неповторимо» (И. Бродский). Скорость времени в ареале Земли постоянна и измерима.

Два свойства времени — линейность (невозможность ветвления, одномерность) и однонаправленность (необратимость) движения составляют основные характеристики речи. Они оказывают глубокое воздействие на внутреннюю организацию языка. Именно они формируют синтагматические и парадигматические (по Соссюру, ассоциативные) отношения. Напротив, такие свойства времени, как непрерывность и равномерность, не оказывают существенного влияния на формирование структуры языка, но они могут выполнять прагматические функции, характеризую речь со стороны ее темпа, наличия пауз, ритма и т. п., придавая речи большую или меньшую выразительность и эстетическую значимость. Впрочем, измерение протяженности звука во времени может получать смыслоразличительную функцию (ср. долгие и краткие гласные), то есть участвовать в создании фонологической системы языка.

Линейность речи определяет ее синтагматический аспект, ответственный сначала за создание единиц языка — знаковых (морфемы, слова, фразеологизма и пр.) и незнаковых (слога, такта и др.), а затем за их грамматическую и коммуникативную организацию внутри высказывания. Линейность речи обобщается последовательностью расположения единиц языка. Позиция каждой единицы становится значимой. Так, в норме высказывание начинается с обозначения темы (субъекта) и заканчивается ремой (сообщаемым). Значимы также отношения между единицами, входящими в высказывания.

Вместе с тем линейность речи налагает на структуру языка существенные ограничения. Единицы языка, в том числе неразложимые (фонема для плана выражения, морфема для знаковых единиц), не элементарны. Образую один сегмент, они в то же время состоят из совокупности различительных признаков, реализуемых симультанно. Разновременность дополняется одновременностью. Это имеет ряд следствий. Обладая сложной смысловой структурой, значимые единицы, прежде всего слова,

развивают поливалентность. Однако в синтагматическом ряду они не могут иметь более двух партнеров. К этому следует добавить, что семантические отношения между словами не совпадают с их логико-коммуникативными функциями в высказывании. Подчиняясь логике коммуникации, семантические партнеры нередко утрачивают контакт. Между ними вклиниваются компоненты, непосредственно с ними не связанные. Язык ищет средства преодоления линейности речи. Ему нужны показатели дистанцированных связей — служебные слова, знаки согласования и управления и др. Темпоральная линия речи преобразуется в «дерево зависимостей». Синтагматические отношения развиваются в языке и благодаря линейности речи и вопреки ей. Системные отношения не сводимы к линейной модели. Они иерархичны. Это побудило Р. О. Jakobsona отвергнуть сосюрровский принцип линейности речи. Jakobson писал: «Примат последовательности в языке был когда-то неверно интерпретирован как линейность. Однако фонемы, совокупности одновременно реализуемых дифференциальных признаков, выявляют вторую ось любой речевой последовательности. (Именно догма линейности заставляет ее приверженцев, игнорируя иерархическую структуру любой синтаксической конструкции, приравливать речевую последовательность к марковской цепи)» [10, 84].

Таким образом, речевой поток одномерен, но модели высказывания двумерны. Они, кроме того, целостны и статичны. Они возвышаются над темпоральной реализацией речи. Целостность подавляет протяженность, условно сводя ее к simultанности. Она тем самым подавляет фактор времени. Мысль о том, что целостность атемпоральна, была высказана К. Леви-Строссом применительно к мифу и музыке, которые он рассматривает по аналогии с речевой деятельностью. Леви-Стросс писал: «...кажется, что музыка и мифология нуждаются во времени, — но только для того, чтобы его отвергнуть. Собственно говоря, и музыка, и мифология суть инструменты для уничтожения времени», и далее: «Прослушивание музыкального произведения в силу его внутренней организации останавливает текучее время; как покрывало, развиваемое ветром, оно его обволакивает и свертывает» [4, 27–28]. Точно так же целостна мысль. Она лишь выражается и воспринимается во времени. Протяженность — это характеристика речи, а не мысли.

Обратимся к другому свойству, общему у времени и речи. Речь, как и время, однонаправлена. Сколь бы ни велики были возможности поправлять сказанное, исправлять написанное и

даже брать назад свои слова, речь, рассматриваемая как единичное событие, сохраняет необратимость. В линейной последовательности речи каждая позиция может быть замещена лишь одной единицей. Поэтому замещению позиции предшествует выбор из совокупности единиц, способных употребляться в данных условиях. В языке развиваются парадигматические отношения, члены которых противопоставлены друг другу по тем или иным дифференциальным признакам. Вместе с тем возможность каждой единицы занимать разные позиции в синтагматическом ряду может вести к их нейтрализации (ср., например, оглушение звонких согласных в конце русского слова и озвончение глухих согласных в положении перед звонкими). Следствием этого является позиционное варьирование единиц языка, не выполняющее смыслоразличительной функции.

Речь движется вперед, и это движение необратимо, но чтобы порождать и воспринимать речь, необходимо обращаться к ее истокам. Так, предикат отсылает к предворяющему его субъекту, обстоятельства — к предворяющему их предикату. Направление связи обратно течению времени. Время необратимо, но грамматика способна обратить его вспять. Грамматика, поэтому, пользуется пространственными, а не темпоральными моделями. Она, как отмечалось, не может удовлетвориться одним измерением.

Итак, два важных свойства речи — линейность и необратимость — обусловлены ее протеканием во времени. Оба они оказывают существенное влияние на формирование в языке системных отношений. Синхронная система языка атемпоральна, но само ее формирование обусловлено темпоральными свойствами речи: их семиотизацией и их преодолением. Язык статичен, но он формируется в движущемся потоке речи. Речь же приходит в движение благодаря действию механизмов языка. Язык зарождается в речи; язык порождает речь.

Мы коротко остановились на внешнем влиянии фактора времени на язык. Вместе с тем язык описывает действительность, которая, подобно речи, существует во времени. Он поэтому располагает богатейшим арсеналом внутренних — грамматических и лексических — средств для обозначения темпоральных аспектов действительности. Время проявляет себя через материальное наполнение мира, без которого оно не могло бы войти в поле наблюдения. Поэтому темпоральные компоненты присущи не только обозначениям действий и состояний, но также семантике многих имен предметов и их атрибутов. Языки располагают также специальными «словами времени» — именами, прилага-

тельными и наречиями, непосредственно указывающими на отрезки времени, их длительность, а также на присущие им субъективные коннотации, которые демонстрируют неотделимость времени от жизни человека и природы. Наконец, языки развивают аппарат вспомогательных средств — предлогов, союзов, аффиксов, частиц, координирующих время осуществления событий и действий, о которых делается сообщение (см. разделы «Семантическое поле времени» и «Слова времени» в настоящем сборнике).

Важно подчеркнуть, что именно на базе темпоральной семантики и темпоральных отношений развивается абстрактное мышление. Идея логического вывода подсказана временной последовательностью событий. Вместе с тем логика, как и грамматическая система, стремится преодолеть время. Тенденция выйти за пределы времени наблюдается уже в естественных языках. Она проявляется себя в двух формах: предикатах истинностной оценки и подавлении временной протяженности происходящего. Давая утверждению истинностную оценку, говорящий переходит из реального времени в логическое пространство; ср.: *Петр пришел вчера в полночь* и *То, что Петр пришел вчера в полночь, факт (истина, истинная правда)*. Сводя длительность процесса или действия к точке, говорящий лишает их основного свойства времени — протяженности, но не отвлекает полностью от временной оси. Совершенный вид — это первый шаг к переходу от процесса или события, локализованных на линии времени, к факту, локализованному в логическом пространстве [1, 132–168]. Небезынтересно отметить, что, «подавив» время, логика включила его в сферу своих интересов. В рамках модальной логики были разработаны языки временных логик, формализующих концептуальную структуру динамического мира. Такой поворот был неожиданным для самих логиков. Г. Х. фон Вригт замечает, что «вначале и не ожидалось, что понятия, обозначенные словами *до* и *после*, *сейчас*, *следующий*, *всегда* и *иногда*, подойдут под формальные схемы модальной логики» [2, 517]. Начало временным логикам было положено логикой действия и продолжено логикой прогноза, занятой истинностной оценкой будущих событий (см. последний раздел настоящего сборника).

Наряду с отмеченными, существует еще одна сфера взаимодействия языка и времени. Она опосредована различными социо- и этнокультурными, мифологическими и религиозными представлениями человека о времени [9, гл. 7; 8, 128–143], а также сменой научных концепций.

Человек различает космическое время, определяемое природными циклами — солнечными или лунными, и время историческое (эмпирическое, профанное), определяемое течением событий. Первое организует распорядок жизни и экономическую деятельность человека; второе формирует ось, на которой отмечены события социальной и индивидуальной жизни. Первым управляют естественные законы, действие которых лишь изредка потрясают взрывы и катастрофы; второе допускает свободное целеполагание человека. В первом порядок задан природой; во втором его стремится задать человек. В первом царит отнесенная норма, во втором — случай.

В основе космического (циклического) времени лежит некоторая совокупность мифических представлений — архетипов, постоянно повторяющихся моделей. События и действия как бы возобновляют некие прасобытия и прадействия, происходившие во время *óно* (*Urzeit*). Они несут в себе элемент ритуала, в котором человек осуществляет связь между мифическим (сакральным) и профанным временем.

Космическое и историческое время соединены в календаре, в котором астрономический цикл разделен на социо-мифологические отрезки — недели; см. подробно [11]. В нем на астрономическое время налагаются мифологические и религиозные события, диктующие формы поведения (ср. пост и мясоед), эмоциональное состояние человека (ср. масленица и страстная неделя), выделяющие опасные для человека периоды (таким, например, считается «некрещеное» время от Рождества Христова до Крещения), а также маркирующие дни, по которым предсказывается будущая погода и ожидаемый урожай (о временных циклах в славянской культуре см. статью Н. И. Толстого в настоящем сборнике). В ряде культур астрономическое (лунное) время тесно связано с астрологией (см. статью Чан Ван Ко в настоящем сборнике).

С другой стороны, историческое время обременено в календаре социальными маркерами. В нем отмечены дни исторических событий — военных побед, революций и конституций, юбилеев городов, стран и вождей. Они в свою очередь диктуют ритуальные торжества и формы поведения, но по ним не делается предсказаний погоды.

Представление о бесконечном во времени и пространстве универсуме, стимулированное идеями Дж. Бруно и окончательно утвердившееся в эпоху Просвещения, отразилось на грамматическом моделировании системы глагола. Если в грамматиках,

следующих латинской традиции, за исходную принималась форма 1-го лица настоящего времени, то начиная с XVII в. эта функция перешла к инфинитиву (*infinitivus*), несущему в себе идею бесконечности. В Россию этот новый принцип представления системы глагола пришел из Германии. Впервые он был применен Г. Лудольфом в *Grammatica Russica* (1696). Слом грамматической традиции под влиянием смены научных моделей мира рассмотрен Д. В. Захарьинным [3, 171 и сл.].

Итак, живя в определенное время и в определенные времена, человек в то же время и одновременно живет в разных временах — астрономическом и астрологическом, историческом и возрастном, сакральном (мифическом, ритуальном) и профанном. Все они в той или иной степени управляют жизнью человека. «Всему свое время, и время всякой вещи под небом». Так говорил Экклезиаст. Время требует, чтобы с ним были согласованы события жизни («Время рождаться, и время умирать»), эмоциональные переживания («Время любить, и время ненавидеть»), социальное поведение людей («Время молчать, и время говорить»), исторические события («Время войне, и время миру»), цели человеческих действий («Время разрушать, и время строить»). По Экклезиасту, позитивные и негативные требования времени образуют пары, в которых акцент ставится на разрушительной силе времени. Понятие вечности не может быть отнесено к миру человека.

«Пространство — символ моей власти, время — символ моего бессилия» (Ж. Ланьо). Эта формула выражает отношение человека к миру, ориентируя его на завоевание пространств и капитуляцию перед лицом времени. Но наше время отмечено желанием человека покорить время. Человек покоряет время методом увеличения скоростей движения и передвижения в пространстве, а также быстроты осуществления разных акций, актов и действий, включая, кажется, и те, которые доставляют удовольствие. Не случайно современные трапезы в Америке, а теперь и в Европе, подводятся под категорию *fast food* «быстрой еды».

Современный человек стремится уменьшить свою зависимость от природного времени. Люди любят превращать день в ночь, а ночь в день. В своем романе «Сны Эйнштейна» американский писатель А. Лайтман предложил 30 возможных моделей времени. Одна из них инвертирует отношение «человек — время»: не природное время диктует человеку распорядок повседневной жизни, а человек приспособливает время к своим личным запросам.

* * *

Настоящий выпуск «Логического анализа языка» посвящен светлой памяти Никиты Ильича Толстого — слависта и филолога Божьей милостью. Никита Ильич был органически слит со славянской, прежде всего русской и сербской, культурой. Он в ней жил, и она жила в нем. Он чувствовал ее сердцем, он понимал ее умом, он анализировал ее тонкими научными методами, подержанными безошибочной интуицией. Он любил погружаться в стихию полесских говоров. Он любил факты, любил находить новые этнолингвистические и этнографические данные, вводя в научное рассмотрение свежий диалектный и фольклорный материал. Он не чувствовал себя чужим на народных праздниках. Он не был только сторонним наблюдателем обрядов и ритуальных действий.

Н. И. Толстой открыл конференцию «Язык и время» докладом «Изоморфность временных циклов и ее мифологическое осмысление (сутки — год — жизнь)». Это было 22 мая 1995 г. Ему оставалось немногим более года жизни. Зал был переполнен, но тих. В нем было много университетских студентов Никиты Ильича.

Доклад Н. И. Толстого сразу ввел в фокус интереса участников конференции этнокультурный и мифологический аспект времени, соединяющий архетипы и природные циклы с временем человеческой жизни. Доклад послужил основой статьи, публикуемой в настоящем выпуске. Это была его последняя статья. Ею завершилось время его жизни, но не время жизни его научного наследия. Завершившись, оно стало целостным, а целостность преодолевает текучесть времени. Настало время ясно сформулировать и обобщить его идеи, определить его творческий метод, выявить конечную цель его исканий и размышлений.

Никита Ильич часто говорил, что лингвистика — это лопата для историка. Два главных направления его лингвистических интересов — лексическая семантика (прежде всего диалектная) и история славянских литературных языков, — оба открывали выход к культуре, этническому и социальному (историческому)

сознанию, к стоящей за языком «картине мира». На этом пути, ставшем магистральным для языкознания конца XX века, у Н. И. и следовавших за ним учеников была своя тропа. Она вела от диалектологии к этнолингвистике, от изучения славянской диалектной лексики к реконструкции традиционной духовной культуры. При этом язык всегда оставался, по словам Н. И., «основным предметом исследования вне зависимости от того, какая субстанция (языковая или неязыковая) и какая функция (коммуникативная, обрядовая, мифологическая и т. п.) подвергается анализу».

Два постулата лежали в основе этнолингвистического подхода Н. И. Толстого. Первый — это содержательное единство и изоморфизм языка и культуры вообще и народного языка и народной культуры, в частности. Такие формы народной культуры, как обряды и обычаи, фольклор и народное искусство, имеют не только общее с языком «содержание» (арсенал смыслов), но и сходные способы их выражения — механизмы различения и отождествления, оценки, сравнения, метафоризации, символики, а также структурное сходство: обряд имеет свою «грамматику», синтаксис, семантику, прагматику и т. д.; язык культуры, как и вербальный язык, имеет свои территориальные разновидности, стилистическую дифференциацию, идиолекты. Отсюда возможность применения лингвистических методов и понятий к материалу культуры.

Второй постулат — «диалектология» славянской народной культуры, обрядов, мифологии, верований и взаимная «дополнительность» локальных форм культуры. Отсюда требование сравнительного и ареалогического подхода. Поскольку традиции отдельных регионов, как и диалекты, часто сохраняют лишь реликты некогда целых «смыслов», их историческая и семантическая реконструкция тем более осуществима и надежна, чем больший спектр локальных вариантов обрядовых и языковых явлений будет привлечен к рассмотрению. Формы языка и культуры, не мотивированные в одной традиции, могут обрести мотивацию на базе другой или других родственных традиций, где они лучше сохранились и где не был утрачен их более широкий культурный и языковой контекст. Кроме того, сопоставление языковых (диалектных) и культурных ареалов друг с другом может дать исследователю новые возможности этногенетических и глоттогенетических реконструкций.

Этнографический материал стал появляться уже в самых ранних семасиологических работах Н. И. Это объясняется не

только тем, что этнографические источники часто содержат слова и значения, не фиксируемые словарями, но и тем, что для полноценной семантической характеристики слова нередко необходимо, помимо языкового, и культурный контекст. Так, в статье 1962 года «Из географии славянских слов», рассматривающей ареалы южнославянских лексем со значением 'дождь' — *дажд* и *киша* оказалось необходимым привлечь данные народных верований о саламандре, названия которой (*даждевњак*, *бурњак* и *кишњак*) производны от слов со значением 'дождь'. Еще большее место занимают этнографические сведения в известной работе Н. И. о славянских диалектных названиях радуги.

К теме «времени» Н. И. впервые обратился более 30 лет тому назад, в статье 1963 г. (ВЯ, № 1), где рассматривалось семантическое микрополе «дождь — погода — время — год — час» в славянских диалектах. В структуре и лексическом заполнении этого поля отчетливо проступает «природная» интерпретация времени (ср. *время* в значениях 'время' и 'погода'; *година* в значениях 'погода', 'год', 'час' и т. п.). Именно с этого, с констатации «природного» характера восприятия времени в народном сознании начинается Н. И. и свой доклад на конференции 1995 года, публикуемый в настоящей книге. Доклад строится уже в равной мере на лингвистическом и этнографическом материале. Изначальное членение годового цикла не на четыре, а на две части в народном календаре одинаково хорошо отражено и в диалектных названиях времен года (ср. вторичность названий весны и осени в некоторых славянских языках и диалектах: серб. *пролеће*), болг. *пролет*, словен. *pomlad*, кашуб. *podlato* — 'весна', чеш. *podzim* 'осень' и т. п.), и в календарной обрядности и верованиях. Как и в лексике, в народных представлениях концепт времени объединяется с семантической областью погоды, тепла, света с соответствующей положительной оценкой и, наоборот, непогоды, холода и мрака (ср. восприятие зимнего и «пограничного» времени как опасного и угрожающего благополучию). Дальнейшее развитие на этнографическом материале получила и лишь слегка затронутая в статье 1963 года тема изоморфности годового и суточного времени (ср. номинации с корнем *god* для названий и года, и часа). Соответствующие точки и отрезки годового и суточного круга (полдень и летнее солнцестояние, утренняя заря и весенний праздник Благовещения и т. д.) имеют сходное ритуальное оформление и получают одинаковую трактовку и оценку в народных представлениях.

Этнолингвистические работы Н. И. учат нас видеть и за языковыми, и за культурными формами — человека, наблюдающего, чувствующего, мыслящего, оценивающего. Анализ языковых явлений дает импульс к поискам культурных параллелей и, наоборот, — этнографические факты побуждают искать их языковые подтверждения.

Н. Д. Арутюнова, С. Т.

ЛИТЕРАТУРА

1. Н. Д. Арутюнова. Типы языковых значений. Событие. Оценка. Факт. М., 1988.
2. Г. Х. Вригт. Логико-философские исследования. М., 1986
3. Д. В. Захарьин. Европейские научные методы в традиции старинных русских грамматик (XV — середина XVIII в.). Мюнхен, 1995.
4. К. Леви-Стросс. Мифологичные. Сырое и вареное // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
5. Ф. де Соссюр. Труды по общему языкознанию. М., 1977.
6. Ф. де Соссюр. Заметки по общей лингвистике М., 1986
7. Э. Сэпир. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
8. П. Хюбнер. Истина и миф. М., 1996.
9. М. Элиаде. Космос и история. М., 1983.
10. Р. Якобсон. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М., 1972.
11. Les temps de l'Europe. T. 1. Strasbourg, 1993.